

Кладбище. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Кладбище. Максим Горький

В степном городе, где мне жилось очень скучно, всего лучше и красивее было кладбище, – я часто гулял на нем и однажды заснул в ложбине между двух могил, как в люльке, на густой и сочной, сладко пахучей траве.

Меня разбудили удары о землю близко моей головы; мягко отталкивая меня, земля вздрагивала, гудела, – я вскочил, сел, сон был крепок, и глаза, ослепленные его бездонной тьмой, не сразу поняли, в чем дело: в золотистом огне июньского солнца жутко качалось темное пятно, прильнув к серому кресту, а крест тихонько скрипел.

Потом – неприятно быстро – это сверкающее пятно приняло формы человека: держась рукою за крыло креста, стоял небольшой старичок, остролицый, с густым клочком серебряных волос под нижней губою и воинственно закрученными вверх толстыми белыми усами.

Вытянув руку в воздух и покачивая ею, он сосредоточенно бил каблуком в землю, искоса бросая на меня сухие взгляды темных глаз.

– Что такое?

– Змея, – ответил он барским баском и указал длинным пальцем с перстнем на нем под ноги себе: на узкой тропе, прикрытой травою, вздрагивал маленький ужик, судорожно поводя хвостом.

– Это – уж, – сказал я сердито.

Старик отшвырнул носком сапога тускло блестящий жгут, приподнял соломенную шляпу и, шагая твердо, пошел прочь.

– Благодарю вас, – сказал я; он, не оборачиваясь, отозвался:

– Если это – уж, тогда опасности не было...

И быстро исчез среди памятников.

Я взглянул в небо, – было около пяти часов.

Вздыхал над могилами степной ветер, тихонько покачивая стебли трав; в теплом воздухе плыл шёлковый шелест берез, лип, ольхи и густых кустарников. В летнем шорохе кладбища слышна покорная грусть, – она вызывает какие-то особенно прямые и честные мысли о жизни, о людях.

Покрыв тяжелым шатром зелени холмы, белый и серый камень памятников, вытертые снегом, вымытые дождями кресты и решетки оград, – богатая растительность скрывает близость чумазого города, осыпанного черноземной пылью, жирной, как сажа, задерживает его мутный шум, пыль и злые запахи.

Шагаю по запутанным тропам среди бесчисленных могил, вижу сквозь просветы в зеленом пологе золоченый крест колокольни, высоко и серьезно поднятый в небо над всеми крестами могил. У подножий памятников в ризе кладбища пестреют скромные цветы, – над ними хлопотливо жужжат пчелы, осы; в молитвенный шорох трав победоносно вторгается песня жизни, не мешая думать о смерти. Бесшумно перепархивают темные птицы, их полет всегда заставляет, вздрогнув, недоверчиво смотреть – птица ли?..

Всюду трепещет золотой огонь солнца, тесно заселенное кладбище как будто колышется, бугры могил напоминают море после бури, когда ветер упал и зеленая равнина его покрыта гладкими, без пены, волнами.

За оградой, в голубой пустоте, торчат, дымясь, трубы маслобоек и мыловаренных заводов, пятна крыш лежат разноцветными заплатами на темном рубище города, жмурятся на солнце всевидящие очи – слуховые окна чердаков. Сейчас же по ту сторону ограды лежит зеленая полоса скудного дерна, на нем качаются какие-то бедные, сухие стебли. Дальше – пожарище, черная полоса земли, усеянной грудями

Кладбище. Максим Горький gorkiymaxim.ru
закопченного мусора, рассыпавшихся печей, серой золы, угольной пыли. В небо разинулись черные вонючие ямы сгоревших погребов: мещане-домохозяйка по ночам сливают в них – из экономии содержимое выгребных ям. Из бурьяна торчат, лоснясь, большие головни, разноцветно блестит на солнце битое стекло и точно смеется. В двух местах этой черно-бурой площади, под полукольцом обнявшей кладбище, прорезались, как два зуба, новые, желтые постройки, – маленькие, жалкие среди мусора и густых зарослей лопуха, конского щавеля, свинцовой полыни.

Лениво бродят пестрые куры, похожие на торговков, а солидные рыжие петухи напоминают пожарных. В ямах подполий ютятся бездомные собаки с печальными глазами, в зарослях бурьяна чахлые, старые кошки подстерегают воробьев. Играют дети, – жалко видеть, как они прыгают по оскверненной земле и вдруг исчезают где-то в ее грязных морщинах.

А за пожарищем вытянулся длинный ряд дрянненьких, тесных домиков, они густо набиты скучными людьми, тупо и покорно вытаращили квадратные глаза на искрошенный, красный кирпич ограды кладбища и темную массу деревьев на нем. В одном из таких домиков я и живу, – моя крошечная конура пропитана запахом лампадного масла, и каждый вечер ко мне просачиваются благочестивые вздохи и возгласы домохозяйки, Ираклия Вырубова, чиновника казенной палаты. Когда я смотрю из окна через мертвую полосу сожженной и загаженной земли на кладбище, оно кажется прекрасным и ласково манит к себе.

Между могил, точно следя за мною, мелькает темная фигура старика, разбудившего меня, – его соломенная шляпа, сильно отражая солнце, качается среди крестов, как цветок подсолнечника. Я тоже слежу за ним и думаю об Ираклии Вырубове: неделю тому назад жена его – женщина тощая, злая, с длинным носом и зелеными кошачьими глазами – ушла пешком в Киев, на богомолье; он тотчас же привел откуда-то косоглазую толстую девицу и назвал ее мне двоюродной племянницей.

– Снятое имя – Евдокия, а я привык именовать – Диканька. Прошу любить, однако – предупреждаю – девица не допускающая...

Огромный, сутулый и бритый, как повар, Вырубов всегда озабоченно поддегивал штаны, сползающие с его живота, набитого, должно быть, арбузами. Его толстые губы жадно приоткрыты, в бесцветных глазах замерзло выражение неутолимого голода.

По вечерам я слышу:

– Диканька, поди-ка, почеси-ка мне спину... Между крылец... О-о, во-от! Ишь ты, вырастила сколько...

Диканька визгливо хохочет, ядвигаю стулом или бросаю книгу на пол, визг и жадный шёпот гаснут, слышен тяжкий вздох:

– О-о... Преподобный отче Николае, моли бога о нас... Квасу на ночь припасла?

Они переходят тихонько в кухню и там визжат, хрюкают, как свиньи.

Седоусый старик легким прыжком молодого человека перескочил тропу, встал перед большим памятником серого гранита и внимательно читает надпись. Лицо у него не русское, одет он в темно-синюю тужурку с отложным воротником, черный галстук завязан пышным бантом и очень оттеняет серебро плотной, точно литой бородки. Между заборными усами – длинный хрящеватый нос, на серой коже щек – сеть тонких красных жилок. Руку он поднял к шляпе, точно отдавая честь усопшему, читает черные слова надписи и одним глазом смотрит на меня. Это мне неприятно, нахмурившись, я прохожу дальше, продолжая думать о своей улице.

Как всегда, между могил шляется Пимаша, тихопьяненький, разорившийся купец Пимен Кропотов; спотыкаясь и падая, он ищет могилу своей жены. Согбенный, с маленьким птичьим лицом в сером пухе, с глазами больного зайца, весь он точно изжеван острыми зубами. Третий год он ходит по кладбищу, слабые ноги едва держат его небольшое, разрушенное тело, – когда он, запнувшись, упадет, то долго не может встать, хрипит, шарит в траве руками, рвет ее, нюхает острым носом, красным, как будто кожа снята с него. Жена умерла и погребена почти за тысячу верст отсюда, в Новочеркасске, но Пимен не верит в это и, часто мигая мокрыми, погасшими глазами, бормочет; задыхаясь:

- Наташа... да, Наташа же...

Почти каждый день бывает госпожа Христофорова, высокая старуха в черных очках, в сером, простом, как саван, платье, отделанном черным бархатом, с палкой в костлявой руке. - у нее уродливо длинные пальцы. Щеки ее дряблого лица опустились, как тряпочки, из-под кружевной косынки начесаны на виски, закрывая уши, седые до зеленого волосы, - она идет очень медленно, очень уверенно и никогда никому не уступает дорогу. Где-то тут у нее лежит сын, убитый во время кутежа.

С книгой в кармане парусинного пиджака, с сачком в красной руке и жестяной коробкой на ремне через плечо, каждое воскресенье после обеда является на кладбище тонконогий, близорукий надворный советник Праотцев, бывший учитель; улыбаясь до ушей, острых и оттопыренных, точно у кролика, он прыгает между могил, машет над ними сачком, как белым флагом, - кажется, что он просит мира у смерти.

Пред вечерней он идет домой, - за оградой его поджидают мальчишки, прыгают, как щенята вокруг аиста, и весело кричат разными голосами:

- Надворный, надворный! В Сухиниху влюбился, в лужу повалился, надворный!

Он сначала смущенно открывает большой рот и, крякнув голосом старого грача, притопывает ногою, как бы собираясь плясать под эти крики, а потом сердится и, согнув спину, держа сачок штыком, бежит за мальчишками с визгом:

- Отца-ам... матеря-ам...

Сухинина - нищая; она круглый год во всякую погоду сидит на маленькой скамейке у калитки кладбища, привалясь к ней камнем. Ее большое, кирпичное, многолетне пьяное лицо. всё в темных пятнах, обморожено, вспухло от ветра и пьянства, сожжено солнцем, глаза у нее заплыли и гноятся. Когда мимо нее идут, она протягивает короткую руку с деревянной чашкой и басом возглашает, точно ругаясь;

- Христа ради... родителей поминаючи...

Однажды ветер со степи неожиданно принес сизую тучу, хлынул ливень, застиг старуху по дороге домой, сослепу она упала в лужу. Праотцев хотел помочь ей подняться, но тоже упал рядом; с той поры мальчишки всего города дразнят его,

мелькают и еще темные безмолвные фигуры завсегдаев кладбища, людей, видимо, на всю жизнь связанных с ним крепкими цепями каких-то нержавеющей воспоминаний; ходят они, точно непогребенные мертвецы в поисках удобных могил, жизнь оттолкнула их, смерть - не берет.

А порою из высоких трав высунется угрюмая, глазастая морда бездомной собаки, пугая умным взглядом, - в нем чувствуется печаль отчуждения, и ждешь, что животное сейчас скажет человеческим голосом какой-то правдивый укор.

Иногда такая собака стоит на могиле, поджав хвост, тихонько поводя шершавой, бесприютной головою, - она долго стоит так, о чем-то думая. Воет редко, а если начнет выть. - воет негромко и длительно... В густоте старых лип хлопочут грачи, галки, слышен тихий, голодный писк птенцов, уговаривающее карканье.

Осенью, когда ветер, сорвав листья, обнажит сучки, - черные гнезда будут похожи на истлевшие головы в мохнатых шапках, - кто-то оторвал их и воткнул на деревья вокруг белой, сахарной церковки во имя великомученицы Варвары. Осенью на кладбище все плачет, судорожно мечется - стонет ветер, как обезумевший, ограбленный смертью любовник...

Старик неожиданно встал у меня на дороге, поднял руку и, строго указывая на белый камень памятника, громко прочитал:

- Под сим крестом погребено тело раба божия почетного гражданина Диомида Петровича Усова. И- всё!

Он поправил шляпу, сунул руки в карманы брюки смерил меня строгим взглядом

Кладбище. Максим Горький gorkiymaxim.ru
темных, не по-стариковски ясных глаз.

- Ничего не умеют сказать о человеке, - раб божий, только! Но - почему раб удостоен гражданами почета?

- Вероятно-жертвователю какой-нибудь... Старик топнул ногой о землю, внушительно сказав:

- Напишите-с!

- Что - написать?

- Всё! И-возможно подробней...

Шагая по-солдатски широко, он пошел вперед, в глубину кладбища, я-рядом с ним. Он был по плечо мне, шляпа совершенно скрывала его лицо, я шел наклоня голову, хотелось заглянуть в глаза ему, как в глаза женщины.

- Так - нельзя! - говорил он негромко и мягко, точно жалуясь.- Этим обнаруживается дикарство, невнимание к человеку, к жизни...

Выхватив руку из кармана, он очертил в воздухе широкий круг:

- Что знаменуется этим?

- Смерть, - ответил я, недоуменно пожав плечами.

Он взмахнул головой, показав мне тонко выточенное, острое, но приятное лицо, - усы его дрожали, когда он говорил, отчеканивая славянские слова:

- "Смертию смерть всеконечне погублена бысть", - знаете этот богородичен? То-то-с!

Шагов десять он прошел молча, быстро виляя по капризной тропе, потом вдруг остановился, приподнял шляпу и протянул мне руку.

- Будемте знакомы, молодой человек: поручик Савва Яковлев Хорват, служил по государственному коннозаводству, а также по ведомству уделов. Под судом и следствием не был. Состою в чистой отставке от всех должностей... Домовладелец. Вдов. Характера - неуживчивого.

Он подумал и добавил:

- Тамбовский вице-губернатор Хорват - брат мой. Младший. Ему пятьдесят пять, мне шестьдесят один. Ше-сть-де-сят и один! Да.

Говорил он быстро, но четко, точно мысленно расставлял все знаки препинания.

- И вот, поручик Хорват, человек, выдавший всевозможные виды, я недоволен кладбищами! Недоволен всюду и везде!

Он снова задорно потряс рукою в воздухе, огибая широкою дугу над крестами,

- Сядемте. Я вам объясню...

Сели на скамью под боком белой часовенки над чьею-то могилой.- поручик Хорват снял шляпу, вытер голубым платком лоб и густые волосы, торчавшие на шишковатом черепе серебряными иглами.

- Вслушайтесь: клад-би-ще! А?

Он толкнул меня плечом и объяснил, понизив голос:

- Клады бы искать надо здесь! Клады разума, сокровища поучений. А что я нахожу-с? Обида и позор. Всем - обида! "Все в житии крест яко ярем вземшии" обижены нами, и за это будете обижены вы, буду обижен я. Поймите: "крест яко ярем" - а? Значит, признано, что жизнь - трудна и тяжела? Почтите же достойно отживших - они ради вас несли при жизни бремя и ярем, ради вас! А эти, таи, не

понимают!

Он махнул шляпой, и по тропе, по кресту над могилой мелькнула, унеслась к городу маленькая" как птица, тень.

Надув красные щеки, пошевелив усами, искоса поглядывая на меня молодым глазом, поручик продолжал:

- Вы думаете: полуумный старик, не более того? Нет, молодой человек, нет-с! Пред вами человек, который оценил жизнь. Посмотрите, разве это памятники? Что они напоминают вам и мне? Ничего. Это не памятники, а паспорта, свидетельства, выданные человеческой глупостью самой себе. Под сим крестом - Марья, под сим - Дарья, Алексей, Евсей, все - рабы божи и никаких особых примет! Это - безобразия, здесь людей, отживших трудную жизнь, лишили прижизненного образа, а его необходимо сохранить в поучение мне и вам. Образ жизни всякого человека - поучителен; могила часто интереснее романа, да-с! Вы - понимаете меня?

- Не совсем...

Он шумно вздохнул.

- А это - просто понять. Прежде всего я - не раб божий, но - человек, разумно исполняющий все добрые заветы его в меру моих сил. И никто - даже сам бог - не вправе требовать от меня свыше того, что я могу дать. Так?

Я согласно наклонил голову.

- Ага? - вскричал поручик.- То-то-с!

Резким движением он, нахлобучив шляпу на ухо, стал еще более задорным, а затем развел руки и прогудел гибким баском:

- Какое же это кладбище? Это - позорище!

- Не понимаю, чего вы хотите,- осторожно сказал я.

Он живо ответил:

- Я хочу, молодой человек, чтоб ничто, достойное внимания, не исчезало из памяти людей. А в жизни - всё достойно вашего внимания, и-моего! Жизнь недостаточно уплотнена, и каждый из нас чувствует себя без опоры в ней именно потому, сударь мой, что мы невнимательны к людям...

Нервно выхватив из кармана брюк тяжелый, серебряный портсигар с желтым шнуром и обильными монограммами, он сунул его мне, приказав:

- Курите!

Я взял толстую папиросу, думая о поручике:

"А беспокоило, должно быть, людям с тобою..."

Закурили. Табак был страшно крепок, но старик затягивался глубоко и жадно, с шумом выгонял изо рта и ноздрей длинные струи дыма и пристально следил, как тихий ветер относит на могилы синеватые облака. Его глаза потускнели, углубились, красные жилки исчезли со щек, и лицо стало серым.

- Каков табак? - спросил он тихо и полусонно.

- Очень крепок!

- Да. Это меня спасает. Я человек... возбужденный и нуждаюсь...

Не кончив - он замолчал, со вкусом глотая дым и рассматривая большой янтарный мундштук. На монастырской колокольне неохотно ударила к вечерней ноющий звук поплыл в воздухе лениво, устало, и все вокруг сделалось серьезнее, грустней.

...Почему-то мне неотвязно вспоминался Ираклий Вырубов, в валяных туфлях на

Кладбище. Максим Горький gorkiymaxim.ru

тяжелых лапах, толстогубый, с жадным ртом и лживыми глазами, аккуратный поручик мог бы целиком войти, как в футляр, в это огромное, пустое тело.

...Воскресенье, вечер. На пожарище красно сверкает битое стекло, лоснятся головни, шумно играют дети, бегают собаки, и ничто ничему не мешает, связанное всё поглощающей тишиной окраины города, пустотой широко развернувшейся степи, прикрытое душным, мутно-синим пологом неба. Кладбище среди этой пустыни – точно остров среди моря,

Вырубов сидит у ворот на лавочке рядом со мною, скосив похотливые глаза влево, где, под окном своего дома, на завалине, расположилась пышная, волоокая кружевница Ежова, истребляя паразитов в темных кудрях восьмилетнего сына своего Петьки Кошкодава. Бойко перебирая привычными к быстрым движениям пальцами, она сочным голосом насмешливо говорит в окно невидимому мужу, торговцу старыми вещами на балчуге:

– Да-а, плешивый чёрт, как же... Взял свою цену, да-а... Тебя бы шандалом этим но калмыцкому носу твоему, – дурак! Свою цену...

Вырубов, вздыхая, лениво поучает меня:

– Воля была дана в ошибку, хотя я отечеству моему – ничтожный слуга, а это мне ясно-понятно! Надобно было бы обратить все помещичьи земли в собственность государеву, – во-от как надобно было сделать! И тогда все бы мужики, мещане – словом говоря – весь народ имел бы единохозяина. Народ не может жить добропорядочно, не зная – чей он? Народ – любовластник, он желает всегда иметь над собой единомуководящую власть. Всякий человек ищет над собою власти...

И, повысив голос, насыщая каждое слово приторной ложью, говорит в сторону соседки:

– Вот, возьмите в пример, – работающая, свободная ото всего женщина...

– Это от чего же я свободна? – отзывается Ежова, с полной готовностью на ссору.

– Я ведь говорю не в осуждение, а в почет тебе, Павушка...

– К телке своей ласкайся!

Откуда-то из-за забора звонко вылетает ядовитый вопрос Диканьки:

– Это кто же-корова?

Вырубов тяжело встает и идет на двор, договаривая:

– Все люди нуждаются в присмотре единовластного ока...

Его племянница и соседка поливают друг друга отборной, звонкой руганью. Вырубов встал в калитку, как в раму, и внимательно слушает, причмокивая, приклонив ухо в сторону Ежовой. Диканька кричит:

– А по-моему, а по-моему.,,

– Ты меня помоями твоими не угощай, – на всю улицу откликается зубастая Павла.

...Поручик Хорват выдул из мундштука окурков, искоса взглянул на меня и неприязненно, показалось мне, шевельнул толстыми усами:

– О чем, смею спросить, мечтаете?

– Хотелось понять вас...

– Это-нетрудно, – сказал он, сняв шляпу и помахивая ею в лицо свое. – Это-в двух словах. Все дело в том, что у нас нет уважения ни к себе, ни к людям, – вы замечаете? Ага? То-то-с!..

Его глаза снова помолодели, прояснились, он схватил меня за руку крепкими, приятно горячими пальцами.

- А-отчего? Очень проста; как я буду уважать себя, где я научусь тому, чего нет, понимаете-нет!

Он придвинулся еще ближе ко мне и вполголоса сообщил секретно:

- У нас, на Руси, никто не знает, зачем он. Родился, жил, помер - как все! Но - зачем?

Поручик снова возбуждался: краснело лицо, и нервные движения рук стали ненужно быстры.

- Всё это потому, государь мой, что нами - частью забыта, частью не понята, в главном же - скрывается от нас работа человека, так-то-с! И у меня есть идея... то есть - проект, да - проект... это в двух словах!

- Нн-о-у... нн-о-у,- докучно растекалось над могилами холодное пение маленького колокола.

- Представьте, что каждый город, село, каждое скопление людей ведет запись делам своим, так сказать - "Книгу живота",- не сухой перечень результатов работы, а живой рассказ о прижизненных деяниях каждого человека, а? Но-без чиновников! Пишет городская дума, волостное правление, специальная "Управа жизни",-я не знаю кто. только-без чиновников! И пишется вес! Все. что необходимо знать о человеке, который жил с нами и отошел от нас!

Он протянул руки к могилам;

- Я должен знать, за что положили свою жизнь все эти люди. я живу их трудом и умом, на их костях,- вы согласны?

Я молча кивнул головой, а он торжествующе воскликнул:

- Ага,- видите? Обязательно - записывать всё, что человек сделал хорошо или поучительно плохо! Например: некто сложил печь, особенно спорую на тепло,- запишите-с! Некто убил бешеную собаку - записать! Выстроил школу, замостил грязную улицу, первый научился хорошо ковать: лошадей, всю жизнь боролся словом и делом с неправдой - за-пи-ши-те! Женщина родила пятнадцать человек здоровых детей,- а! - это очень нужно записать: это великое дело - дать земле здоровых детей!

И, тыкая пальцем в серый намогильный камень со стертой надписью, он почти закричал:

- Под сим камнем погребено тело человека, всю жизнь свою любившего одну женщину - одну! - это нужно записать! Мне не нужно имен,- мне нужны дела! Я хочу, должен знать жизнь и работу людей. Когда отошел человек напишите на кресте его могилы - "крест яко ярем", это надо помнить! напишите для меня, для жизни подробно и ясно все его дела! Зачем он жил? Крупно напишите, понятно,- так?

- Да.

Поручик продолжал горячо, захлебываясь словами, махая рукою вдаль, на город:

- Они там - лгуны, они нарочно скрывают работу, чтоб обесценить человека, показать нам ничтожество мертвых и тем внушить живым сознание их ничтожества! Ничтожными легче править,- это придумано дьявольски умно! Да. конечно, легче! Но-вот я; попробуйте, заставьте-ка меня сделать то, чего я не хочу!

Брезгливо сморщив лицо, он точно выстрелил:

- Ап-параты!

Было странно видеть задор старика, слушать его крепкий басок, бодро нарушавший тишину кладбища. Высоко над могилами лениво таял, докучая, будничным звуком.

- Нн-о-у, ни-о-у...

Кладбище. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Масляничный блеск сочных трав исчез, погас, и все стало матовым; воздух густо насыщался пряным запахом намогильных цветов нарцисса, герани и левкоя...

- Нет, лжете, каждый из нас стоит своей цены, - это прекрасно видишь, прожив на земле шесть десятков лет! Нет, вы не скрывайте: всякая жизнь может и должна быть объяснена, человек - работник всему миру, он мой учитель в худом и добром. Жизнь вся, насквозь - великое дело незаметно маленьких людей, не скрывайте их работу, покажите ее! Напишите на кресте, над могилой умершего, все дела его и все заслуги, пусть они ничтожны, но покажите себя умеющим найти хорошее и в ничтожном. Теперь вы поняли меня?

- Да, - сказал я. - Да!

- Так-то-с!

Колокол торопливо крикнул дважды и замолчал, оставив в воздухе над кладбищем печальный струнный звук, а собеседник мой снова вынул портсигар, молча протянул его мне и стал тщательно раскуривать папиросу - Руки его, маленькие и темные, как птичьи лапы, немножко дрожали, голова опущена и похожа на плюшевое пасхальное яйцо.

Курил и ворчал, недоверчиво, хмуро заглядывая в глаза мне:

- Земля сильна трудом людей... Всякий может найти себе опору на земле... нужно только - хорошо знать и помнить прошлое...

Кудрявые дымы над городом покраснели, слуховые окна зарделись ярким румянцем, напоминая мне багровые щеки племянницы Вырубова, - в этой девице, как и в дяде ее, было что-то решительно "не допускающее" думать о ней хорошо и ласково.

Одна за другою в ограду кладбища вползали темные, лохматые фигуры нищих; от крестов на землю ложились тени, такие же осторожные, как нищие.

Где-то далеко, в потемневшей зелени, дьячок тянул лениво и равнодушно:

- Ве-е-ечна-ая - ппа-а...

- За что? - сердито пожав плечами, спросил поручик Хорват. - За что вечная память? Может быть, она лучше всех в городе солила огурцы, мариновала грибы... Может быть, он был лучший сапожник или однажды сказал что-то, о чем по сей день еще помнит улица, в которой он жил. Объясните мне человека!

И лицо его окуталось облаком крепко пахучего, дыма, сильно кружившего голову.

Ветер тихо вздохнул, наклонил стебли трав в сторону нисходившего солнца, стало тихо, и в тишине резко прозвучал капризный женский голос:

- А я говорю - налево!

- Танечка, ну как же...

- Забыли! - выдувая дым длинной трубообразной фигурой, проворчал старик. - Забыли, где лежит родной или знакомый...

Над красным крестом колокольни плавал ястреб, а по камню памятника, против нас, ползла бледная тень птицы, то соскальзывая за угол камня, то снова являясь на нем. Следить за этой тенью было странно приятно.

- Кладбище, я говорю, должно знаменовать не силу смерти, а победу жизни, торжество разума и труда, так-то-с! Вы вот представьте себе, каким оно было бы по моей мысли! Это история всей жизни города, это было бы способно поднять чувство уважения к людям... Или кладбище - история, или не нужно его! Не нужно прошлого, если оно ничего не дает! История пишется? Ну да - история событий... но я хочу знать, как события творились рабами божьими.

Широким жестом, как-то удлинившим его руку, он указал на могилы.

- Хороший вы человек, - сказал я, - и хорошо, интересно жили, должно быть...

Он, не глядя на меня, ответил тихо и задумчиво:

- Человек должен быть другом людей, - он обязан им всем, что есть у него и в нем. А жил я.

Прищурился, он посмотрел вокруг, как будто искал нужное слово. И, не найдя его, весело повторил уже сказанное им:

- Надо сдвинуть людей теснее, чтобы жизнь уплотнилась! Не забывайте ушедших! Всё поучительно, всё полно глубокого смысла в жизни рабов божиих... так-то-с!..

На белые бока памятников легли багряные жаркие отблески заката, и камень как будто налился теплой кровью, всё кругом странно вспухло, расширилось, стало мягче и теплей, и хотя всё было неподвижно, но казалось насыщенным красной, живой влагой, даже на остриях и метелках трав дрожала, светясь, багряная пыль. Тени становились гуще, длиннее. За оградой, пьяным голосом, жирно мычала корова и кудахтали куры. видимо ругая ее. Где-то около церкви торопливо хрипела и взвизгивала пила.

Вдруг поручик засмеялся бархатистым смехом, встряхивая плечами, поталкивая меня и ухарски передвинув шляпу на ухо.

- А ведь я, признаться, - сквозь смех говорил он, - подумал о вас печально... подумал, что вы... вижу - лежит человек - гм? - думаю, - почему, а? Потом - ходит молодой человек по кладбищу, лицо хмурое, карман брюк оттопырен, - э-э, думаю!

- Это - книга в кармане...

- Ну, да, понимаю, я ошибся! Это приятная ошибка... Но - однажды я видел: лежит человек около могилы, а в виске - пуля, то есть - рана, конечно... Ну, и, знаете...

Он подмигнул мне, снова смеясь негромко и добродушно.

- Проекта у меня, разумеется/нет, это просто-так... мечта! Очень хочется, чтоб люди жили лучше... Вздохнув, он задумался, помолчал.

- К сожалению - поздно захотелось мне этого... Лет пятнадцать тому назад, когда я был смотрителем усманской тюрьмы, и...

Старик вдруг встал, оглянулся, нахмурил брови, и сказал деловито, сухо, сильно двигая коваными усами:

Ну-с, мне пора идти!

Я пошел с ним, хотелось, чтоб он еще и еще говорил приятным, твердым баском, но-он молчал, шагая мимо могил четко и мерно, как на параде.

Когда мы шли мимо церкви, сквозь железные решетки окон в красную тишину вечера истекало, не нарушая ее, угрюмое брюзжанье, досадные возгласы; как будто спорили двое и один скороговоркою частил:

- Что-о ты сделал, что ты, что ты, что ты-и?..

А другой, изредка, устало откликался:

- Отста-ань, о-отстань...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

Кладбище. Максим Горький gorkiymaxim.ru
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!